

СВОЕОБРАЗИЕ РАДИОПУБЛИЦИСТИКИ ЯНУША КОРЧАКА

Е. С. Зубаркина

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 2 ноября 2023 г.

Аннотация: в данной статье исследуются особенности радиотекста Януша Корчака, его жанровое и стилистическое своеобразие. Автор выявляет новаторские приемы коммуникации с детской аудиторией, которые применялись в первой трети 20-го века и до сих пор остаются актуальными для радиовещания. В эмпирическую базу статьи интегрированы в том числе тексты передач, которые впервые переведены на русский язык.

Ключевые слова: радиопублицистика, Януш Корчак, радио, Польское радио, детские радиопрограммы, радиотекст.

Abstract: this article examines the features of Janusz Korczak's radio text, its genre and stylistic originality. The author identifies innovative methods of communication with a children's audience, which were used in the first third of the 20th century and still remain relevant for radio broadcasting. The empirical base of the article includes, among other things, the texts of the broadcasts that were translated into Russian for the first time.

Keywords: radio journalism, Janusz Korczak, radio, Polish radio, children's radio programs, radio text

Тема детства в радиожурналистике Польши 30–40-х годов XX века неразрывно связана с именем Януша Корчака (настоящее имя — Генрих Гольдшмидт).

Созданное в 1923 г. Польское радио в начале 1930-х гг. вплотную приступило к освещению темы детства и организации радиовещания для детской аудитории. Для консультаций и выступлений в эфире руководители привлекали в качестве экспертов педагогов, специалистов в области психологии, педиатрии, детских писателей, общественных деятелей. Эксперты принимали участие в программах-лекциях о воспитании и образовании, а вне эфира давали рекомендации по стратегии развития детского сегмента Польского радио. Одним из таких привлеченных специалистов, которому впоследствии было суждено стать буквально символом польского детского радио, был Януш Корчак.

К началу работы на Польском радио в 1934 г. Януш Корчак имел солидный опыт написания не только произведений детской художественной литературы и трудов по педагогике, но и журналистских материалов, предназначенных для различных возрастных и социальных групп. К середине 1930-х годов он опубликовал более тысячи статей в разных изданиях [1, 34].

Корчак был одним из первых польских общественных деятелей, кто предложил использовать возможности радиовещания для коммуникации с детско-юношеской аудиторией и решения актуальных вопросов в области детства. Он называл радио новой социальной средой, с появлением которой можно устранить проблемы низкого уровня образования

детей младшего и среднего возраста и преодолеть кризис поколений. «Радио может решить своим словом проблему детского интеллекта», — писал Корчак своему другу и коллеге Эдвину Маркузе [2, 226].

Чтобы понять, в чем заключался феномен радиопублицистики Януша Корчака, следует рассмотреть как жанровое и стилистическое своеобразие его программ, так и особенности авторской подачи материала.

Наиболее часто Корчак обращался к жанру очерка. Кроме того, сохранившиеся радиотексты дают основания заключить, что нередко автор в рамках одной передачи синтезировал элементы очерка, эссе, зарисовки, репортажа.

Для разных этапов сотрудничества с Польским радио (а таковых было три: с 1934 г. по 1939 г.) характерны программы в различных жанрах. Так, например, в 1934 г. Януш Корчак читал сказки и делал репортажи, на протяжении 1936-го выходил в эфир с циклами очерков, в 1939 г. обращался к слушателям с философскими монологами-рассуждениями о политической и социальной жизни Польши. Все программы Корчака выходили в прямом эфире.

Радиотекст Я. Корчака обладал рядом специфических стилистических черт. Ян Пиотровский, редактор журнала «Антенна», выходившего при Польском радио, писал, что стиль программ Януша Корчака отличался от «привычного радиостиля»: «Старый доктор (прим. Старый доктор — псевдоним Я. Корчака, под которым он работал в радиоэфире) не торопится. В его размышлениях могут быть паузы, когда он обдумывает ответ, в чем-то сомневается или не уверен. Все это делает его радиоречь естественной, искренней, слушатель верит, что его мысли рождаются

прямо сейчас, в студии, хотя сам Корчак не раз говорил о том, как тщательно он готовится к программам и как тяжело ему дается эта «болтовня» [3, 23].

Пиотровский также отмечает отсутствие у Корчака заискивающих, преувеличенно ласковых или снисходительных интонаций при общении с детьми, поскольку «педагог считал, что ребенок — кандидат во взрослого, с кем сегодня можно общаться в соответствии с действующими правилами жизни» [3, 23]. «Добрые, доброжелательные, отеческие слова — резкие, точные, глубокие слова — слова, указывающие, открывающие, напоминающие, увещающие — слова, которые помогают распутать внутренний хаос, который подобен пламени фонаря в темноте... Слова образуют компактную мысль, пульсируют чувством, горят внутренней правдой» [3, 23].

Когда Януш Корчак начал работать на Польском радио, опыт трансляции публицистических передач в прямом эфире в целом составлял более десяти лет. Безусловно, в тот период еще не были сформулированы представления теоретиков и практиков о наиболее эффективных методах радиокommunikации — руководство и сотрудники Польского радиополучали знания о приемах взаимодействия с аудиторией и влияния на нее экспериментальным путем.

Изучая сегодня радиотексты Януша Корчака, его письма и другие документальные источники, можно заключить, что журналиста уже тогда волновал вопрос психологического восприятия аудиосообщений и он стремился вывести собственную формулу хорошей программы. В частности, успех ведущего Корчак связывал с умением подбирать правильные интонации, особенно когда речь шла о коммуникации с детской аудиторией: «Скажите своей собаке приятным теплым тоном: «Плохо. Собака, плохая собака, я злюсь на собаку» — она обязательно обрадуется и начнет вилять хвостом. Однако, когда она слышит: «Любимая собака, хорошая собака, вежливая собака» тоном голоса злым и грубым, она поджимает хвост. То же самое и с младенцами. Ты можешь их усыпить или заставить плакать с помощью одной и той же песни, но изменяя голос и его модуляцию» [4, 6].

Многие представления Корчака об эффективной радиокommunikации совпадают с суждениями современных практиков и теоретиков в сфере медиа. Так, исследователь Ю. Ключев пишет, что «вымышленной искусственной интонацией и неискренностью поведения у микрофона обмануть слушателя нельзя. Динамики радиоприемника всегда раскроют фальшивость настроения неискреннего человека, его раздражительность, досаду, обиду, злость, ненависть. Радио со всей откровенностью передает слушателю психологическое состояние участников программы, включенных в диалог, — с помощью отражения их культуры речи, этики поведения у микрофона, интонации, темпа и тембра речи» [5].

Характерная черта всех передач Я. Корчака — их диалогичность. Как таковой интерактивный эфир не был возможен в 30-е годы 20-го века, необходимые для этого техника и оборудование еще не появились. Диалогичность достигалась за счет множества используемых Корчаком новаторских для того времени приемов. Прежде всего, диалог выступал основой самих текстов автора, прочитанных в эфире. Например, все программы цикла «Шутливая педагогика» построены на разговорах Старого доктора с его воспитанниками, родителями, пациентами (по образованию Я. Корчак был педиатром). Диалогичен по своему содержанию и другой, более поздний радиоцикл, — «Триптих об одиночестве». Кроме того, выступая в качестве радиоведущего, Корчак постоянно обращался к слушателям, задавал им вопросы, подчас риторические, побуждая тем самым к размышлениям на предложенную тему. Это подтверждает, в частности, исследователь его творчества Анна Быстрицкая: «То, что Корчак говорил по Польскому радио, всегда было диалогом. Только на первый взгляд это могло показаться монологом. На самом же деле Старый доктор вел постоянный диалог со слушателем. Он направлял его с помощью слова таким образом, чтобы слушатель мог легко почувствовать сцену, в которой это происходило. Корчак был мастером создания атмосферы доверия» [6, 16].

Примечательно, что диалогичность свойственна Корчаку не только как радиоведущему, но и как детскому прозаику. Например, в повести-сказке «Кайтусь-чародей» текст несколько раз прерывается длинным многоточием, порой занимающим треть или даже половину страницы (в зависимости от варианта книжного издания). После таких фрагментов автор дает краткий пересказ удаленных эпизодов, не вошедших в сказку, и комментарии к ним. В одном из этих комментариев Корчак пишет, что еще до публикации произведения зачитывал книгу детям: «Когда я прочитал эту 18-ую главу о Кайтусе, один мальчик сказал: — Это ужасно! ... Мальчику было страшно. Ночью я вычеркнул все, что ему снилось. И снова прочел. Он сказал: «Теперь хорошо!» [7].

Еще одна особенность радиопрограмм Корчака — адресность. Автор прибегает к некоторым речевым техникам, помогающим убедить слушателя в том, что ведущий обращается именно к нему. Это достигается с помощью частого использования местоимений *ты*, *вы* и вопросительных конструкций — они помогают заинтересовать ребенка, подвести его к размышлениям на ту или иную тему, побуждают к поиску ответа, например: «А что есть на самом деле зло, грех, а что недопустимо и что нехорошо?»; «А почему мы убиваем комаров и цыпят едим? А мужчина топит щенков, хотя собака хорошая и верная?»; «Газеты пишут только правду?» [8, 176].

Ведущий Корчак не «отгораживается» от слушателей, конструируя дихотомию «я-они», «я-вы», «я-

ты»; напротив, он отождествляет себя с аудиторией, используя конструкции «и я тоже», «мы вместе»: «и мы говорим...»; «мы даже не знаем, является ли наше научное общество научным обществом»; «мы замолчали, мы думали»; «уверю вас, ничего из этого не выйдет, и мы проиграем» [8, 176].

Публицистическую речь Корчака отличает образность, метафоричность, эмоциональность. Метафоры в радиоречи Корчак использовал повсеместно, в том числе в текстах, обращенных к детям: «Пальма пальмой, но у нее **выражение лица** чужое»; «В моей, так сказать, **педагогической аптеке** различные средства, от спокойного ворчания через строгое слово до сильнодействующего отчитывания»; «Ты нескончаемое испытание моего терпения, **некролог драгоценного моего покоя и свободы**»; «Но иногда надо обратиться к **баночке с крепкими выражениями и оборотами**» [8, 176].

Метафорично говорит Корчак и со взрослыми: «На **коре (дерева) есть шрамы** — их много — пережитки ее веков и приключений»; «Как вы распределили **капитал сил и сердец**, которыми поклялись?» [9]. Метафоры Корчака не только делают радиотексты высокохудожественными, но и, что наиболее важно, придают им наглядность.

Использует Корчак и стилистическое сравнение, то есть вид тропа, при котором сопоставляются предметы или явления, различные по своей природе: «Потому что лето без единой бури было бы несоленым, бесплодным. Как возвращение из-за границы без «неприятностей» в таможенной палате, как поездка со скидкой без боя за место в фургоне, как святой вегетарианец, матч без аплодисментов и ура» [8, 176].

Кроме индивидуальных, авторских, Корчак употребляет и общепринятые, устойчивые сравнения: «Не то как ветряная мельница, не то как сумасшедший, размахиваешь ты руками, молотишь кулаками... Надутый, как индюк» [8, 176].

В любом случае, автор применяет эти и другие стилистические приемы, которые дают возможность приблизить слушателя к мироощущению ведущего и позволяют сделать контакт более тесным, а диалог — откровенным.

В цикле «Шутливая педагогика» Корчак использует иронию, юмор и другие приемы комического. Как педагог и медик, понимающий психофизиологические особенности детей разных возрастных категорий, он допускает добрую иронию, которая может рассмешить ребенка. Например: «Спрашиваю: «Сколько раз в неделю деретесь?» Не знают, не считали. Неправильно! Считать надо обязательно, считать и засчитывать очки! Небольшая драка — одно очко, средняя — два очка, отчаянная — три. Сколько раз вам надо подраться от воскресенья до воскресенья? Записывайте и считайте, считайте. Допустим, ты имеешь право на десять очков, это пять средних драк. Тебе охота драться тут же, сейчас. Но ты ду-

маешь: «Не стоит, неделя только началась, сберегу очко, оставлю про черный день». Ты сам себе твердишь: «Не сегодня — завтра отлуплю его». Словом, ты рассчитываешь, как не выйти из рамок бюджета» // «Или говорят: «Упрямец». Нет лучше: «Ах ты, негативист, ты вотум сепаратум, ты либерум вето»» [8, 176] // «Не думай, что любому доверят самолет. Если у кого-то заболел живот оттого, что он объелся вишен, это неважно его характеризует как летчика. Самолет, видишь ли, дорогое сооружение, его не доверят такому оболтусу» [8, 176]. «Великий мастер юмора» — так назвал Старого доктора в статье его современник — Ян Улатовски, характеризуя радиопередачи [10, 6].

В радиовыпусках Корчака обращает на себя внимание регулярное употребление заимствованных иностранных слов, чаще всего из латыни. Например, в «Шутливой педагогике» автор пересказывает свой диалог с ребенком: «Перед тем, как ударить в первый раз, произнесите латинское заклинание «*Concordiarparguescrescunt, discordiamaximaedilabuntur*», вы также можете сказать по-польски: согласие строит, раздор разрушает» [11, 91]. И далее Корчак иронически замечает: «Мальчики говорят, что латынь лучше работает» [11, 91]. Если это выражение кажется ребенку сложным, то Корчак предлагает повторить его: «только три раза с сахаром после еды — закройте глаза и — медленно или быстро: *concordiarparguescrescunt*» [11, 91].

Заметим, что не все латинские слова и выражения автор считает необходимым переводить. К примеру, в одном из эфиров он произносит **primumnonnocere** [11, 95] (не навреди) и **utaliquidfierivideatur** [11, 95] (чтобы казалось, что что-то делается), но при этом оставляет сочетания без пояснений.

Интересен пример с фразой **magisterelegantiarum**. Крылатое выражение на латыни звучит как — **arbiterelegantiarum** — арбитр изящества. В русском аналоге — законодатель мод. Данное выражение в мировой культуре зафиксировано впервые в тексте Тацита и применяется в контексте характеристики личности писателя Петрония, написавшего знаменитый роман «Сатирикон». Среди прочего к выражению обращается и Оскар Уайльд в «Портрете Дориана Грея», и Генрик Сенкевич в «Камо грядеши». Но в приведенных текстах авторы используют версию **arbitere**. Возможно, Корчак применяет вариант **magisterelegantiarum** вслед за Виктором Гюго, назвавшим так своего героя, лорда Дэвида, и целую главу «Человека, который смеется». Гюго был одним из самых любимых писателей Януша Корчака, он неоднократно цитировал его в произведениях: «Для меня Гюго, возможно, меньше писатель, чем проповедник святых истин» [12, 475].

Есть множество других примеров использования Корчаком латинских слов и крылатых выражений в радиоэфире. Среди них **repetitio est mater**

studiorum — повторение — мать учения; **pro publico bono** — для восполнения добра, на общественное благо; **mortuus** — служитель при больных карантинными заболеваниями, в том числе чумой; **parcjalnie** — частично; **mentecaptus** — сумасшедший.

Такое частое обращение автора к латыни в радиовыпусках исследователи творчества Корчака трактуют как специфический образовательный прием. В частности, И. Д. Демакова, специалист по педагогике Я. Корчака, отмечает, что латынь была для него «родным» языком; вероятно, рассуждает исследователь, использование ее было связано с желанием «образовывать», поскольку автор программ был романтиком в видении и оценке детей и мечтателем, как любой хороший педагог. Той же точки зрения придерживается специалист по педагогическому наследию Корчака Р. А. Валеева, которая полагает, что Корчак старался расширить кругозор детей, в том числе и с помощью латыни в радиотекстах.

С одной стороны, действительно, интеграция латыни в тексты выпусков может объясняться медицинским образованием автора — в этом смысле разговор врача на «рабочем» языке видится логичным. С другой стороны, если учитывать, что текст передач Корчаком тщательно прорабатывался и готовился заранее, применение крылатых выражений на латыни в обращениях к детской аудитории случайным можно назвать с весьма низкой долей вероятности. По утверждению самого Корчака, в диалоге с детьми он взвешивал каждое слово: «На одних действуют длинные слова, на других — короткие. Наибольший эффект, если в слове есть буква «р». Немецкое «доннерветтер» [13] действует весьма и весьма сильно. Или историко-политическая брань — варвар, вандал, инквизитор, диктатор, Гит... (нет-нет!), Наполеон этакий — иногда помогает. Для большей силы хорошо добавить приставку «экстра» или «архи»» [8, 176].

Сегодня в исследованиях по теории медиа повышенное внимание уделяется формату сторителлинга (сторителлинг — умение рассказывать истории [14]). О его сущности, причинах популярности роли, в частности, в радиодискурсе развернулась серьезная научная дискуссия. Стоит отметить, что именно история является концептуальным ядром практически каждого эфирного выступления Я. Корчака. Рассказывая какую-либо историю, он в доступной форме доносит до детской или взрослой аудитории гуманистические и этические принципы взаимодействия человека с человеком. В качестве примеров можно привести историю из выпуска «Тур» (Wycieczka) о путешествии на лодке, повествование о споре доктора с дошкольником в «Дошкольнике» (Przedszkolak), историю о том, как «Старый доктор пытался стать более общительным» в выпуске «Город-деревня» (Wieś — miasto) и т.д. Таким образом, циклы «Шутливая педагогика», «Беседы Старого

доктора» и др. можно назвать первыми попытками использования сторителлинга в детской польской радиожурналистике.

Специфичен синтаксис в эфирных текстах Корчака. Как правило, он использует короткие предложения, где количество слов не превышает семи. На лаконичность изложения обращали внимание и редакторы «Антенны»: «Эти слова стоят перед вами, и сначала каждое кажется вам отраженным от других, исключительным, одиноким, уединенным. Пока вдруг три, четыре или пять из них соберутся (редко в большем количестве)» [3, 23]. Приведем примеры: «Я не говорю: «лентяй», «осел». Считаю, что это уже обида. «Нюня» — тоже не годится. Ведь когда ребенок плачет (не кричит, не скандалит), он нуждается в сочувствии и помощи» [8, 176]; «Вспоминается мне один случай. Давно это было. Электричества тогда еще не было» [8, 176].

Оценивая модель корчаковского текста с точки зрения современных подходов к подготовке радиоматериала, следует подчеркнуть ее современность. Правило говорить в эфире короткими фразами обусловлено тем, что радиослушатель, лишенный визуального ряда, априори находится в иных условиях восприятия медиатекста, нежели, например, читатель или зритель. Еще более сложным процесс декодирования радиотекста выглядит для детей. Отметим, что при формировании навыков радиокommunikации автор не имел возможности опереться на более раннюю практику профессионального сообщества — сколь-либо значимый опыт в этой сфере еще не был накоплен. Автор действовал в значительной степени интуитивно, полагаясь на собственные представления об эффективных журналистских приемах коммуникации с детской аудиторией. Фактически в этом вопросе польский радиоведущий и создатель детских программ Януш Корчак опередил свое время.

Тем не менее нами обнаружены примеры критики стилистики корчаковского текста. Так, в номере 5 журнала «Антенна» за 1936 г. автор М. Грегорчук высказывает опасение: ««Антенна» уже писала о Старом докторе — и это правильно — много похвал. Но есть замечание, взятое из другой бочки: является ли способ рассказа иногда даже слишком телеграфным, а иногда непонятным для детей — и может ли он способствовать развитию у них стиля? Все, что льстит нашей лени, имитируется очень охотно, и самый простой способ — упростить стиль, опуская слова. При всей моей признательности за педагогический энтузиазм Старого доктора и его способность адаптироваться к детям, это размышление приходит на ум автоматически» [15, 8]

Изобилие в радиоречи Корчака номинативных предложений действительно создает эффект намеренного пропуска слов. Однако такие цепочки из слов в текстах ведущего представляют собой на редкость

емкое образное описание личности, предмета, явления или качества, например: «Он, видите ли, центр вселенной, архичемпион, небесное светило, олимпийский бог, спортивное совершенство!»; «Я знаю, как это бывает: какое-то происшествие, столкновение, короткое замыкание, словесная вспышка — драка»; «Холодное, сухое одиночество — пустое, ревнивое, мстительное — надменное — деспотическое»; «Одиночество беспомощности — профессия — бегство — обида — потеря — неудача?» [8, 176].

Такая стилистика Корчака дает простор для слушательского воображения, позволяя домысливать и «дорисовывать» картину происходящего. Примечательно, что сегодня номинативы не просто активно используются, но и приветствуются в радиопрограммах, особенно в очерках и репортажах.

Высокой эмоциональности радиотекста автор добивался за счет частого применения междометий. В лингвистике эту часть речи часто называют звуковым жестом [16, 93]. Ф. Дельсарт утверждал, что междометия по богатству интонации принадлежат первое место среди всех частей речи. Корчак использует междометия как способ выражения эмоционально-волевой реакции как в процессе диалога с собеседником, так и в монологах.

Наиболее часто автор обращался к группе эмоциональных междометий. В качестве примера приведем эпизоды из «Шутливой педагогики» в оригинальном варианте: «**Mmm...** Lekkomyślnyjesteś chłopak — **Mmm.** Так? Dołożył jeszczeimneokularyizgniecioną piłeczkę pingpongową (myślałeś, że możnawyprostować w ciepłej wodzie, ale była pęknięta)»; «**Oh**, dobrzepamamiętam, choć baaardzodawno... — Już biorą się zaręce (obowiązkowyrzynał) — okrążają drzewo — **ooo!**»; «Śliczna. — „Itakaprastara”. — Uhm. — „Imponująca”. — **Ba!** — „Sędziwaiczcigodna”»; «Onachcebuć pełnymczłowiekiem (**Ooo!**)».

Корчак часто использует восклицательные фразы: «Я использовал его сознательно и — один раз!»; «Стыд! — записал»; «И этот человек — король!»; «Отпуск и молодость. Нет. — День отдыха!». Излюбленным приемом автора является пауза, которая в тексте обозначается знаком тире. Он употребляет паузу, как правило, в нескольких случаях:

— когда необходимо достичь эффекта динамичности событий (пр. «Сажусь — подавляю одышку»; «Тишина. — Я остановился. Перед нами поле и луга. — Первый день. — Сельская местность»);

— когда возникает потребность в лаконичном выводе (пр. «Ты промедлил, а больной скончался, и — минус: в статистике возросло число сирот»; «Ты летчик. Опоздал на аэродром, не успел проверить машину перед взлетом. Катастрофа — ты сломал шею, и для обороны страны одним самолетом меньше — минус»);

— с помощью паузы в середине предложения автор фиксирует внимание слушателя на конкрет-

ном слове или фразе, которые следуют за ней (пр. «А я спрашиваю — **соблазнился** — спрашиваю старшую с милой улыбкой»; «Молодежь и школьники отправляются — **шумно отправляются** — за стены, в летние лагеря, лагеря», «Держу, обнял — **удалось** — положил книгу на шезлонг, обе руки у меня свободны» [8, 176]).

На употребление Корчаком пауз обращал внимание и Пиотровский: «Устное слово Корчака с характерными для него паузами было чем-то совершенно отличным от печатного» [3, 23]. В то же время коллега Пиотровского М. Грегорщук писал: «Давайте рассмотрим словесные качества этих уже столь популярных разговоров: разве Старый доктор не добился большого успеха в том, что он говорит? И он говорит с большой (может быть, даже с очень большой) умеренностью, а главное — с отличным чувством значения остановок. И поэтому слушать его — настоящая передышка» [17, 9].

Выводы. Радиожурналистика Я. Корчака — первый в истории мировой радиожурналистики знаковый опыт открытого, содержательного, равноправного; с культурной и философской точки зрения — глубокого диалога с ребенком и о ребенке.

Журналисты Польского радио и ведущий Я. Корчак, несмотря на отсутствие опыта в силу новизны радио как способа коммуникации, сумели выработать собственное представление об аудиторных портретах и их характеристиках.

К созданию передач для детей польские радиовещатели первой половины 20-го века и в их числе автор-Корчак подходили с особенной тщательностью.

Проведенный нами анализ показывает, что корчакский текст исключает пафосность, агрессивность, педагогическую надменность, морализаторство. Главные характерные черты программ Я. Корчака — диалогичность и адресность.

При очевидной простоте и лаконичности тексты Корчака яркие, образны, высокохудожественны, что достигается за счет использования метафор, сравнений, идиоматических выражений и других стилистических приемов.

Авторский текст Корчака, созданный более восьми десятилетий назад, отвечает современным подходам к созданию как радиочерков, так и произведений других форм и жанров. В частности, в его выпусках обнаруживаются черты такого формата журналистики, как сторителлинг, сформировавшегося как коммуникативная технология гораздо позже — в начале 90-х годов XX века.

Все вышеизложенное позволяет говорить о феномене радиожурналистики Януша Корчака и необходимости его дальнейшего глубокого изучения в целях использования этого опыта в деле развития радиожурналистики вообще и прежде всего радиожурналистики, ориентированной на детскую аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левовицкий Т. Януш Корчак (1878–1942) / Т. Левовицкий // Перспективы: Ежеквартальный обзор. — № 1. — 1994 г.
2. Do Edwina Markuze. Janusz Korczak. Pismo rozproszczone. Listy. Muzeum Historycznym. st. Warszawy I Instytut Badan Literackich PAN, 2008.
3. Jan Piotrowski. Ojciec cudzych dzieci. Wspomnienie o «Starym doktorze» Janusza Korczaka skreślił Jan Piotrowski. Wydawnictwo «Poligrafika», 1946.
4. Stary Doktor odpowiadał. Jan Piotrowski // Antena. — № 20. — 1938.
5. Ключев Ю. Публицистичность радиоречи / Ю. Ключев // Ученые записки ЗабГУ. — 2015. — № 2 (61). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsistichnost-radiorechi/viewer> (дата обращения: 21.07.2023).
6. Anna Bystrzycka. Janusz Korczak i Polskie radio. Forum Pedagogiczne UKSW 2013/2. — P. 16.
7. Janusz Korczak. Kaitus Czarodziej. Wydawnictwo Siedmiorog / Wrocław, 2017. — S. 188–192.
8. Janusz Korczak. Pedagogika żartobliwa. Moje wakacje Gadaniki radiowe Starego Doktora. Wydawnictwo J. Mortkowicza, 1938.
9. Lydia Waleryszak. Les parlottes du Vieux Docteur » à la radio polonaise. — Режим доступа: <https://www.meirieu.com/PATRIMOINE/korczakradio.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
10. Dyskutujmy. Jan Ulatowski // Antena. — № 29. — 1935.
11. Janusz Korczak. Senatszeleńców. Prozapoeetycka. Utwory radiowe. Oficyna Wydawnicza «Latona». — Warszawa, 1994.
12. Janusz Korczak. Teoria a praktyka. Artykuły pedagogiczne // Muzeum Warszawy I Instytut Badan Literackich PANS, 2017.
13. Выражение «гром и молния» относится к ругательным по прим. Большого немецко-русского словаря. — Режим доступа: https://gufo.me/dict/deru_full/Donnerwetter (дата обращения: 20.09.2023).
14. Фадеева О. А. сторителлинг как символическая информационно-коммуникативная технология / О. А. Фадеева // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-simvolicheskaya-informatsionno-kommunikativnaya-tehnologiya/viewer> (дата обращения: 20.07.2023).
15. czem mówić w Polskim Radjo... Marjan Grzegorzczak // Antena. — № 5. — 1936.
16. Прудникова А. В. Междометие как объект лингвистического описания / А. В. Прудникова // Вестник СФУ. — 2011. — С. 91–94.
17. Krytykujemy. Marjan Grzegorzczak // Antena. — № 42. — 1935.

Московский педагогический государственный университет

Зубаркина Е. С., кандидат филологических наук, и. о. заведующей кафедрой журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

E-mail: famzub@yandex.ru

Moscow Pedagogical State University
Zubarkina E. S., Candidate of Philological Sciences, Acting Head of the Department of Journalism and Media Communications named after V. A. Slavina Institute of Journalism, Communications and Media Education
E-mail: famzub@yandex.ru